

РАДИО СВОБОДА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

№ 6 /3263/, 28-й год издания

8 февраля 1984 года

Кремль: новые перемены к началу 1984 года	РС 28/84
О повышении норм жилой площади городского населения	РС 29/84
Протест Ивана Мартынова	РС 30/84
Усиление наказаний за воинские преступления	РС 31/84
Бывший помощник Брежнева Цуканов назван первым заместителем заведующего Отделом ЦК КПСС	РС 32/84
Дело Завурова и истории про американских шпионов 1977 года	РС 33/84
Последние советские публикации о П.Я. Чаадаеве	РС 34/84
С.А.Желудков	РС 35/84
Аннотации	РС 36/84

КРЕМЛЬ: НОВЫЕ ПЕРЕМЕНЫ К НАЧАЛУ 1984 ГОДА

А. Пар

Резюме: В отсутствии Андропова в СССР проводятся выборы в парторганизации и Верховный Совет страны. Можно констатировать, что невероятно большое число брежневских кадров на периферии выходят на пенсию. На их места выдвигаются в основном партработники, не связанные с брежневской "группой" в ЦК КПСС. Интересно отметить также назначение людей Горбачева, Романова и Соломенцева на руководящие посты в партии.

Когда в ноябре 1982 года Юрий Андропов заменил умершего Брежнева, на Западе правильно отметили, что будущее нового генерального секретаря зависит главным образом от успешной расстановки своих кадров в Центральном Комитете партии. Как известно, состав ЦК КПСС избирается по партийному уставу на съезде КПСС, который созывается каждые пять лет.

Брежнев, в течение своего длительного пребывания на посту генерального секретаря, проводил съезды четыре раза - в 1966, 1971, 1976 и 1981 годах. При этом ему каждый раз удавалось обновлять и пополнять состав членов ЦК своими людьми: под конец правления Брежнева туда вошли даже его помощники и лейб-врач Чазов. Основную группу в ЦК составляют руководители парторганизаций провинции - первые секретари крупных республик, крайкомов, обкомов и горкомов. На них, как на представителей самых значительных парторганизаций и опиралась власть каждого из предшественников Андропова /1/.

Из проведенных за последние недели выборов в первичных, районных, городских, окружных, областных и краевых партийных организациях стало ясно, что кадровая политика андроповской администрации привела к давно уже небывалым переменам в составе партийных организаций страны /2/.

1. РС 234/83 "Персональные изменения в областных организациях СССР".
2. "Дейли Телеграф", 27.1.1984.

В ходе выборов 20% первых секретарей обкомов - преимущественно "засевшие" на руководящих местах брежневские кадры - была заменена "свежими" людьми. Список в ходе избирательной кампании почетно "выдворенных" на пенсию партийных лидеров с днем на день становится все длинее и длинее. Из первых секретарей обкомов и одновременно членов ЦК на пенсию вышли: Николай Банников /69 лет, Иркутская область/, Гасан Бектурганов /61 год, Джембульская область/, Андрей Кандренков /68 лет, Калужская область/, Николай Кириченко /60 лет, Одесская область/, Леонид Куличенко /70 лет, Волгоградская область/, Андрей Модогоев /68 лет, Бурятская АССР/, Григорий Павлов /70 лет, Липецкая область/, Борис Попов /74 лет, Архангельская область/ и Магомед Умаханов /65 лет, Дагестанская АССР/. Из списка видно, что отстраненные парторботники в среднем не старше Генерального секретаря Андропова.

На их место выдвигаются, как говорилось в одном постановлении ЦК КПСС, парторботники, обладающие "организаторскими способностями, высокими нравственными качествами, чувством нового" /подчеркнуто мною - АР/ /3/.

Невозможно на данном этапе судить о "реформаторских" возможностях того или другого руководителя из периферии. На самых верхах партии "чувство нового" также пока никак не проявилось. Во время отсутствия генсека болеющего уже полгода, остальные члены правящего Политбюро /включая вопреки всем предсказаниям западных советологов никак не затронутого андроповскими чистками Черненко/, только еще более укрепили свои позиции.

После окончания выборов в парторганизации предстоят все-союзные выборы в Верховный Совет в начале марта этого года. С конца декабря члены Политбюро во главе с Андроповым начали выдвигаться в различные избирательные округа. В ходе этой избирательной кампании уже можно видеть, что ни старая "брежневская гвардия" /Тихонов, Черненко, Кунаев/, ни выдвиженцы Андропова /Романов, Алиев, Соломенцев, Воротников/ своего влиятельного положения в партаппарате не утратили.

В одной из последних передовых статей в "Правде", в связи с выборами в областные комитеты партии, особенно выделены как образцовые парторганизации, Ставропольский крайком, Московский, Ленинградский и Томский обкомы /4/. Упоминание как раз этих парторганизаций вызывает некий интерес, потому что Ставропольский край считается "вотчиной" Горбачева, Ленинградская область - Романова, а Томская - нового секретаря ЦК КПСС по кадрам Лигачева.

3. "Правда", 24.8.1983.

4. "Правда", 16.1.1984.

Нынешние кадровые перестановки, по-видимому, прочно контролируются новыми ставленниками Андропова. В подтверждение можно привести некоторые весьма значительные персональные назначения последних недель:

В начале декабря бывший подчиненный Горбачева, Николай Кручина, был назначен начальником всей "конторы" центрального парт-аппарата - управляющим делами ЦК КПСС /5/, а бывший подчиненный Романова по Ленинградскому обкому, Ратмир Бобовиков, новым первым секретарем Владимирского обкома партии /6/.

Значительные перестановки также имели место в Комитете партийного контроля при ЦК КПСС. После смерти Пельше, председателем этого Комитета был назначен премьер РСФСР Михаил Соломенцев /7/. 70-летний Соломенцев стал таким образом во главе того учреждения, на которое андроповская администрация возложила главные надежды в отношении успешной борьбы с коррупцией внутри самой номенклатуры. Соломенцев, не теряя времени, провел, как первое, в унаследованном им Комитете крупную чистку.

На посты заместителей он возвел таких партработников, которые тесно сотрудничали с ним во время его пребывания на должности Председателя СМ РСФСР: 64-летнего Михаила Воропаева, работавшего с 1970 года первым секретарем Челябинского обкома /8/ и 65-летнего Михаила Пономарева, работавшего с 1961 года первым секретарем Владимирского обкома /9/.

С Воропаевым Соломенцева кроме всего связывает совместная деятельность в Челябинской области в 1950 годах. Кроме двух своих тезок, Воропаева и Пономарева, Соломенцев ввел в состав Комитета партконтроля и бывшего первого секретаря Калининградского обкома Николая Коновалова /10/.

= = =

-
5. РС 241/83 "Николай Кручина - новый управляющий делами Центрального Комитета КПСС".
 6. "Правда", 17.12.1983.
 7. Там же, 16.6.1983.
 8. Там же, 8.1.1984.
 9. Там же, 17.12.1983.
 10. Там же, 15.1.1984.

О ПОВЫШЕНИИ НОРМ ЖИЛОЙ ПЛОЩАДИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ

После принятия ВС СССР в 1981 году основ Жилищного законодательства СССР /1/, началась работа по подготовке республиканских жилищных кодексов. В июне 1983 года был закончен и опубликован Жилищный кодекс РСФСР, который вступил в действие с 1 января текущего года /2/.

Советская печать посвятила немало комментариев, авторы которых отмечают те положительные изменения, которые должны облегчить населению пользование государственным и общественным жильем. Но главная тема комментариев, а также писем населения в редакции газет, относится к порядку очередности получения квартиры и нормы жилплощади.

Согласно кодексу основанием для зачисления граждан на очередь для получения большей жилплощади возможно, в случае когда занимаемая жилая площадь ниже установленной нормы на человека. Это общее правило. Но для определенных категорий граждан закон устанавливает льготный /первоочередной/ порядок зачисления в очередь, в их числе инвалиды войны, семьи погибших воинов, лица страдающие хроническими заболеваниями, инвалиды труда, многодетные семьи, к числу которых отныне относятся семьи, имеющие не менее трех детей и т.д. /3/.

Повышен максимальный размер жилой площади на человека с 9 до 12 кв. м. Согласно жилищному законодательству СССР минимальный размер жилплощади на человека 9 кв. м. /статья 22/. Но эти нормы имеют чисто теоретический характер и как видно не обязательны для выполнения, так как, согласно статьи 29 кодекса, "нуждающиеся в улучшении жилищных условий признаются граждане имеющие обеспеченность жилой площадью на одного человека семьи ниже устанавливаемого СМ автономных республик, исполнительным комитетам, краевого, областного, Московского и Ленинградского городских Советов народных депутатов", т.е. минимальные нормы жилой площади устанавливаются местными властями из расчета обеспеченности городского населения жилой площадью. Так, например, сейчас для Краснодарского края эта норма 6 кв. м., а для Новосибирской области - 8 кв. м. жилой площади на одного человека /4/. В частности, сообщается, что в Армавире

1. "Известия", 26.6.1981.
2. "Советская Россия", 29.6.1983.
3. "Строительная газета", 18.12.1983.
4. Там же.

"на каждого жильца в доме приходится 6,6 кв. м. жилплощади, а претендовать на улучшение жилищных условий, согласно правилам, могут только те, кто располагает менее 6 кв. м." /5/. Но претендовать на увеличение жилплощади еще не значит ее получить, а только иметь право на зачисление в очередь, в которой часто насчитываются сотни и тысячи человек, ожидающие годами получения квартиры. Например, в Кузбассе в очереди на жилье стоят более 9 тысяч человек /6/, а в Экибастуже - 7 тысяч человек зачислены в очередь на улучшение жилищных условий /7/. Недаром обход очереди путем криминальных манипуляций сегодня является обширным полем деятельности взяточников и спекулянтов.

Советские комментаторы не скрывают, что в стране "для многих жилищная проблема остается еще острой" /8/. До сих пор только 80% городских жителей страны располагают квартирами /9/, это означает, что примерно из 170 млн. городских жителей - 34 млн. человек проживают в коммунальных квартирах, в общежитиях или за большие деньги снимают комнаты в частных домах.

С повышением норм жилой площади изменилась квартирная плата. Отныне плата за квадратный метр - 13,2 копейки исчисляется из расчета не 9, а 12 кв. м. плюс 6 кв. м. на семью. За добавочную же, т.е. за излишки площади, плата взимается в трехкратном размере /10/.

По заявлению секретаря ВЦСПС А.В.Викторова сегодня на городского жителя приходится 13,5 кв. м. общей площади /11/. Насколько расходится этот показатель хотя бы с обеспечением жилья в Краснодарском крае, в котором 6 кв. м. на человека не считается порогом нуждаемости, то естественен вывод, что уровень обеспеченности жильем привилегированных кругов населения несравнимо выше, чем та жилплощадь, которая предоставляется малообеспеченным горожанам.

Острота жилищной проблемы при ежегодном увеличении городского населения примерно на 2 млн. человек обусловлена также снижением жилищного строительства. В 10-й пятилетке, по сравнению с 9-й, строительство жилых домов снизилось на 17,5 млн. кв. м. /12/, а за два года текущей пятилетки "введено в эксплуатацию почти на 13 млн. квадратных метров жилья меньше, чем планировалось" /13/.

Советские функционеры сообщают, что цель домостроителей: каждой семье отдельную квартиру, каждому члену семьи отдельную комнату. Вряд ли в этом столетии эта цель будет достигнута. /АТ/

-
5. "Красная звезда", 29.5.1983.
 6. "Правда", 1.7.1982.
 7. "Известия". 28.8.1982.
 8. "Известия", 9.1.1984.
 9. "Строительная газета", 18.12.1983.
 10. "Сельская жизнь", 13.10.1983.
 11. "Труд", 4.8.1983.
 12. НХ-82, стр. 425.
 13. "Труд", 4.8.1983.

ПРОТЕСТ ИВАНА МАРТЫНОВА

В.Тольц

Резюме: Содержатся сведения об общественной активности русского ученого, в знак протеста против антисемитских выступлений отказавшегося от своей ученой степени.

Имя сорокатрехлетнего ленинградского ученого Ивана Федоровича Мартынова хорошо известно не только его коллегам-историкам. Автор интересных специальных исследований по истории русской культуры ХУШ-Х1Х веков /1/, он опубликовал много сочинений, привлечших внимание самых широких читательских кругов. Такой, к примеру, была написанная Иваном Мартыновым совместно с Марком Альтшуллером книга "Звучащий стих свободы ради..." /2/. Это построенный на материалах кропотливых архивных разысканий увлекательный рассказ о современниках декабристов - читателях запрещенной декабристской поэзии, об общественном резонансе произведений Пушкина, Рылеева, Дениса Давыдова. Не только специалисты с интересом прочли и книгу Ивана Мартынова, посвященную издательской деятельности известного русского просветителя Николая Новикова /3/. Высоко оценивают значности и вклад Ивана Мартынова в дело сбора и изучения материалов о жизни и творчестве выдающегося русского поэта Николая Гумилева, его глубокий интерес к творчеству других авторов "Серебрянного века". В 1982 г. в Австрии переиздан составленный и отредактированный Мартыновым сборник "Гумилевские чтения" /4/.

Но с некоторых пор имя Ивана Мартынова можно найти не только в научных публикациях. Когда весной 1980-го ожидался суд над бывшим научным сотрудником Библиотеки Академии наук, представителем христианского семинара "Проблемы религиозного возрождения России" и одним из редакторов его печатного органа - журнала "Община" Владимиром Порешем /5/ /он, кстати, был одним из авторов редактируемых Мартыновым "Гумилевских чтений"/, в "Самиздате" появилось обращение

1. Список научных публикаций /на 3 стр./ И.Ф.Мартынова составлен и хранится в "Архиве Самиздата".
2. М.Альтшуллер, И.Мартынов "Звучащий стих свободы ради...", М., "Книга", 1976.
3. И.Мартынов "Книгоиздатель Николай Новиков", М., "Книга", 1981.
4. Wiener Slawischer Almanach, Bd. 9, S. 375-479.
5. О Пореше и его деле см., напр.: АС №3746, 3747, АФР, 3.8.79, KNS, 11.10.79. "Вести из СССР", 1979, 20-18; РС 313/79; "Русская Мысль", 27.12.79, 10.1.80, 22.5.80; ЛТ, 2.8.83.

в защиту Владимира Пореша, подписанное совместно с Владимиром Лазуткиным и Александром Тронем и сотрудником Библиотеки Академии наук СССР, кандидатом педагогических наук Иваном Федоровичем Мартыновым /6/. Авторы письма характеризовали Пореша как "убежденного патриота, христианина, перспективного специалиста и прекрасного семьянина" и призывали суд вынести ему оправдательный приговор.

Пореша приговорили к 5-ти годам лагерей и трем годам последующей ссылки. А "научная общественность" отреагировала на призыв Ивана Мартынова и его друзей весьма своеобразно: узнав о письме в защиту Пореша, подписанном Мартыновым, по словам самого Мартынова,

дирекция Библиотеки Академии наук СССР в лице директора БАН СССР, доктора биологических наук В.А.Филова, и его заместителя, кандидата педагогических наук К.В.Лютковой, приняла все меры к тому, чтобы максимально ограничить для меня доступ к научной информации по истории русской литературы, отказывая мне в выдаче отношений для работы в государственных архивах СССР, лишая командировок на научные конференции и симпозиумы в других городах СССР и за рубежом. Все мои попытки защитить свои профессиональные и гражданские права через народный суд и Президиум Академии наук СССР оказались безрезультатными.

Прошло полтора года. И снова Иван Мартынов выступил с открытым обращением в защиту своего несправедливо репрессированного коллеги. На этот раз речь шла об арестованном в Ленинграде 12 августа 1981 г. талантливым историке Арсении Рогинском, ложно обвиненном в использовании "поддельных" отношений для работы в государственных архивах СССР /7/. Иван Мартынов направил Председателю Международного совета архивов открытое письмо /8/. В этом письме Мартынов, лично знавший Рогинского, говорил о нем как о "бескорыстном, честном и глубоко увлеченном своим делом человеке, высококвалифицированном специалисте по истории русской культуры..., авторе интересных, базирующихся на большом и тщательно проверенном материале работ". Будучи, по словам Мартынова, человеком бескорыстно заинтересованным в истине, Рогинский, на протяжении многих лет преодолевал многочисленные трудности и бюрократические препятствия, связанные с отсутствием у него официального статуса профессионального историка и несмотря на то что продолжал интенсивную исследовательскую работу.

6. АС №3960.

7. О Рогинском и его деле см.: ХТС № 53; АФР, 13.8.1; РС 143/81; "Русская Мысль", 15.10.81; "Die Welt", 23.10.81; "Вести из СССР", 1981, 22-1; АС №4524. Сведения о научных публикациях Рогинского см. в "Движение декабристов. Указатель литературы", 1960-1976, М., 1983.

8. АС №4516.

Мартынов потребовал провести "исследование... препятствий, которые встречают исследователи при рассмотрении вопроса о их доступе к архивным документам". Дело Рогинского давало, по мнению Мартынова, обильный материал для изучения этого серьезного вопроса.

Однако обернулось все иначе. Вместо серьезного изучения искусственно создаваемых трудностей в доступе исследователей к архивным материалам суд приговорил Арсения Рогинского к 4-м годам лагерей. Мартынов же, публично протестовавший против его ареста, был вскоре уволен из Библиотеки Академии наук СССР.

И когда после окончания процесса Рогинского в газете "Вечерний Ленинград" появилась статья некоего Григорьева "Как рождаются 'утки'" /9/, Иван Мартынов откликнулся на нее обширным саркастическим открытым письмом, адресованным самой широкой советской и зарубежной общественности. В своем письме Мартынов не только уличил бойкого автора "Вечернего Ленинграда" в некомпетентности, подтасовке излагаемых фактов и откровенной лжи. Основываясь на собственном богатом опыте архивной работы, Иван Мартынов рассказал о тех препятствиях, с которыми сталкивается в получении архивных материалов даже исследователь, обладающий официальным статусом сотрудника академического учреждения. Оценивая исследовательский путь Арсения Рогинского, Мартынов писал:

Насколько же труднее преодолевать все барьеры на пути в "спецхран" или приравненные к нему "де факто" архивы /являющемуся, между прочим, "общенародным достоянием"/ молодому учителю истории, еврею, без ученой степени и партбилета, для которого не Президиум Академии наук СССР, а рядовой завуч-антисемит зачастую является высшей, не подлежащей обжалованию инстанцией, тормозящей любые его попытки пробиться в большую науку.

Пожалуй, именно Мартынов сумел первым точно описать значение "дела Рогинского" в гораздо более широком, нежели профессионально-исторические проблемы, плане:

Молодой способный историк Арсений Борисович Рогинский ныне по праву обрел всемирную известность, независимо от своего желания став символом борьбы за конституционное право советских ученых на свободный доступ к необходимой им для творческой работы открытой информации, без какой-либо дискриминации по чиновному, национальному или идеологическому цензу.

Тем временем и сам Иван Мартынов стал объектом гораздо более пристального внимания "органов власти". Особенное их раздражение вызывали открытые симпатии русского ученого к евреям-отказникам. И когда в апреле прошлого года ленинградская отказница, кандидат физико-математических наук, Надежда Фрадкова была насильственно доставлена в больницу, чтобы прекратить голодовку протеста против задержания ее в СССР, Иван Мартынов, протестовавший против насильственных действий представителей органов власти, был задержан и доставлен к отделению милиции, где его подвергли так называемой "проверке документов" /10/.

Но эти недвусмысленные сигналы-угрозы властей не заставили И.Мартынова замолчать. 9 сентября 1983 г. он откликнулся на опубликованную ранее в журнале "Нева" /где в свое время много публиковался и сам Мартынов/ статью одного из ведущих советских "борцов с сионизмом" кандидата исторических наук Льва Корнеева/11/. В этой публикации, выделяющейся своим антисемитским пафосом даже из сомна других "антисионистских" статей, утверждалось в частности:

Отличительной чертой идеологических установок антисоветской деятельности сионизма, направленных на обособление евреев, в последнее время стала подчеркнутая враждебность ко всему русскому, советскому, которая проявляется, в частности, в разного рода попытках очернительства нашей национальной истории, нашего культурного наследия - от "Слова о полку Игореве" и "Влесовой книги" до "Тихого Дона", - замалчивания или превратного толкования творчества русских и современных советских писателей. С другой стороны наблюдается гипертрофизация "гениальности" ученых и деятелей культуры еврейского происхождения, преувеличение их роли в истории того или иного народа, чью цивилизацию они восприняли.

Л.Корнеев обвинил также "международный сионизм" в пропаганде антиставянизма с целью дезинтеграции народов в стран "социалистического содружества". В этой статье Корнеева И.Мартынов справедливо усмотрел нападки на своих коллег-славистов, за честь которых он вступился. В своем открытом письме в Президиум АН СССР /12/ Иван Мартынов писал в частности:

10. "Вести из СССР", 1983, 8-23.

11. Лев Корнеев. "Кому это выгодно". Психологической война международного сионизма. "Нева", 1982, № 5, стр. 148-155.

12. Изложение содержания письма см. в: Insight: Soviet Jews, vol.9, No. 6, Nov.-Dec. 1983; JTA, 1.12.83; Jews in the USSR, vol. 43, 17.11.83; Jew. Chr. 25.11.83; KNS, No. 190 (12.10.83), pp. 18-19; Times, 7.1.84. Фрагменты письма воспроизводятся по АС №5137.

Я - русский книговед, историк и библиограф, выросший в русской семье, православного вероисповедания, для которого русская культура является делом жизни и смыслом существования, с первых же шагов в науке до настоящего времени работаю в тесном контакте с учеными-славистами "еврейского происхождения" - советскими, зарубежными, репатрировавшимися и эмигрировавшими из СССР по израильским вызовам - и всегда ощущал с их стороны глубочайшее уважение к моему великому народу, его истории, быту и культуре.

В своем письме Мартынов назвал имена евреев - преподавателей и ученых, которым он лично обязан, от которых научился любить русскую литературу и фольклор, являющиеся предметом его научных занятий. Этот ряд имен замечательных представителей русской и мировой культуры Мартынов дополнил именами ученых-евреев, которые эмигрировали из СССР. По его мнению, они не только не очернили русскую культуру, но активно работали и работают на благо России и добиваются значительных результатов даже тогда, когда это и не признают некоторые из тех, чьей культуре они служат. В качестве примера Мартынов называет имена двух ученых-эмигрантов:

Автор более чем ста статей и книг по истории русской культуры конца XV^{III} - начала XIX вв., имевших широкий резонанс в отечественной и зарубежной печати, школьный учитель Марк Альтшуллер /13/ после многолетних бесплодных попыток опубликовать и защитить как докторскую диссертацию свое актуальнейшее исследование об истоках русского славянофильства получил эту возможность, только став профессором Калифорнийского университета.

Еще более тяжелые испытания выпали, по словам Ивана Мартынова, на долю его коллеги Евгений Бешенковского /14/.

Эпохальная находка за пределами СССР библиотеки М.В. Ломоносова, считавшейся до начала его успешных поисков безнадежно затерявшейся, не принесла моему другу ученых званий и степеней, заграничных командировок и иных знаков признательности общества к авторам подобного масштаба сенсационных открытий. Изучение этого книжного собрания-архива, "распылившегося" в фондах библиотеки Хельсинкского университета, было доверено не его певому открывателю, а никому неизвестной супруге работника советского торгпредства в Финляндии Тимохиной и впоследствии монополизировано абсолютно непричастными к открытию Бешенковского сотрудниками Библиотеки Академии наук СССР. На акте торжественной передачи книг с пометками

13. Один из соавторов Мартынова /см. сноску 2/.

14. Соавтор Мартынова; основное сочинение /в соавторстве с Е.С. Кулябко/ "Судьба библиотеки М.В. Ломоносова", М., Наука, 1975. Рецензию И.Мартынова на эту книгу см.: Советское библиотековедение, 1976, № 5, стр. 117-120.

Ломоносова СССР в дар от правительства Финляндии директор Библиотеки АН СССР доктор-онколог В.А.Филов даже не считал нужным упомянуть имя ее первооткрывателя, к тому времени эмигрировавшегося в США.

В своем письме Мартынов рассказал и о практике наложения табу на работу еврейских ученых, эмигрировавших в Израиль или другие страны. Их книги, как правило, изымаются из продажи и массовых библиотек, а их имена перестают упоминаться даже в сссылках. Оценивая отношение эмигрирующих ученых-евреев к этой дискриминации их, Мартынов продолжает:

Бескорыстная забота об интересах русской культуры побуждает ученых-евреев, якобы стремящихся, по утверждениям Корнеева, любой ценой "гипертрофизировать" свою роль "в истории народа, чью цивилизацию они восприняли", оставлять свои научные разработки и даже готовые /а зачастую и принятые!/ к печати публикации русским коллегам, отказываясь от своего авторства ради одинаково дорогого им дела. Этот благородный поступок, полный высокого самоотречения, никогда не понять "кандидату исторических наук" Корнееву, для которого "еврейский" псевдоним может служить лишь удобной ширмой для грязной антисемитской провокации или мелочного сведения личных счетов с "конкурентом-евреем".

/Здесь содержится утверждение, что Л.Корнеев является автором еще одной антисемитской публикации в "Неве", подписанной еврейским псевдонимом/ /15/.

Далее следует горькое признание автора, которое некоторые западные комментаторы называют "неожиданным":

Мне стыдно и больно от сознания того, что в течение нескольких лет я, по слабости и малодушию, путь даже после настоятельных просьб моих уехавших из СССР друзей, соглашался на публикацию наших совместных работ /а в одном случае работ Марка Альтшуллера/ под своей фамилией и терпимо относился к издательским "резекциям" ссылок на их труды, тем самым помогая "корнеевым" искусственно преуменьшать роль ученых "еврейского происхождения" в истории русской культуры.

Мартынов призвал своих советских коллег бороться за полное уничтожение дискриминации ученых-евреев, эмигрировавших из СССР, помогать тем, кто намерен эмигрировать, брать с собой свои неопубликованные работы и необходимые научные материалы.

-
15. Соломон Вербицей, историк. "Не обходить молчанием" - Нева, 1983, № 1, стр. 202. Если сообщение Мартынова соответствует истине, то это уже вторая зафиксированная публикация Л.Корнеева под еврейским псевдонимом /ср. Insight: Soviet Jews, vol. 6, No. 7, 1980, p. 2; РС 192/83/ Ср. АС №5026:1.

В знак протеста против дискриминации своих еврейских коллег Мартынов, по выражению одного из западных наблюдателей, "сжег за собой последний мост", - он отказался от ученой степени "кандидата педагогических наук" и потребовал публичного обсуждения мотивов своего отказа в Ленинградском Институте культуры, а также опубликования своего письма в советской печати.

Стало известно также, что Мартынов сообщил о своем намерении эмигрировать. Но власти отказались даже рассматривать его заявление, сославшись на то, что он - русский. /Жена Мартынова - еврейка/. Протестуя против этой незаконной акции, Мартынов, требующий принять от него заявление на выезд, объявил в декабре 1983 г. десятидневную голодовку. /16/.

= = =

УСИЛЕНИЕ НАКАЗАНИЙ ЗА ВОИНСКИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

П. Кпужин

15 декабря 1983 года Президиум Верховного Совета СССР внес ряд изменений и дополнений в ныне действующий Закон об уголовной ответственности за воинские преступления. Как известно, названный закон был принят 25 декабря 1958 года, то есть двадцать пять лет назад. 26 января 1965 года в него были внесены изменения по трем статьям /9, 19 и 21/. Но тогда эти изменения скорее свидетельствовали о намерениях законодателя смягчить меры наказания по некоторым деликтам. Иначе, однако, обстоит дело сейчас.

Теперешние изменения в военно-уголовном законодательстве в первую очередь нацелены на четкое выполнение военнослужащим правил несения боевого дежурства по своевременному обнаружению и отражению внезапного нападения на Советский Союз либо по защите безопасности СССР /статья 21 закона/. Наказание по этому деликту осталось прежним - лишение свободы на срок от одного года до пяти лет. Однако ранее за нарушение правил несения боевого дежурства могли быть привлечены к уголовной ответственности только лица из состава дежурной смены боевого расчета, экипажа, поста, иного дежурного подразделения. Ныне за это будут отвечать и другие военнослужащие, назначаемые для выполнения боевой задачи /1/, то есть и вышестоящие начальники, отвечающие за боевое дежурство. Совсем не исключено, что в данном изменении статьи закона нашел какое-то отражение известный инцидент с южнокорейским самолетом "Боинг-747" в ночь на 1 сентября 1983 года в районе Сахалина. Ведь как бы ни относиться к этой трагической истории, приходится признать /советскому руководству тоже/, что она вскрыла несовершенство советской ПВО в этом регионе. Но вернемся непосредственно к нашей теме.

Также существенно изменена статья 19 "Нарушение уставных правил караульной службы". Ранее подсудными считались лишь те нарушения уставных правил, которые случались в караулах и на постах, охранявших важные объекты /склады с боеприпасами, вооружением, боевой техникой и тому подобное/. По новому законоположению, уголовная

1. Ведомости Верховного Совета ССР /в дальнейшем ВВС/, 1965, № 5, стр. 47-48; "Красная звезда" /в дальнейшем КЗ/, 18.1.1984.

ответственность наступает независимо от того, какой объект находится под охраной караула. Одновременно усилилась мера наказания за эти деяния, если они повлекли вредные последствия: вместо лишения свободы на срок от одного года до пяти лет или направления в дисциплинарный батальон новое законоположение требует теперь лишения свободы на срок от одного года до десяти лет. Если же данные деяния совершаются в военное время или в боевой обстановке, они влекут за собой лишение свободы на срок от трех до десяти лет или смертную казнь. Прежнее наказание по этому пункту статьи 19 ограничивалось лишением свободы на срок от двух до семи лет /2/.

В новой редакции статьи 10 изменены основания и характер ответственности военнослужащих срочной службы за самовольное оставление части или места службы /в том числе неявка в срок без уважительных причин из отпуска, из командировки или лечебного заведения, при новом назначении или переводе/. Раньше виновный за отсутствие в части или на месте службы свыше трех суток наказывался лишением свободы на срок от одного года до пяти лет. При этом продолжительность самого отсутствия не принималась в счет. Теперь же, в случае неявки виновного на место службы свыше месяца, он уже наказывается лишением свободы на срок от трех до семи лет. Раньше применительно к военному времени подсудным считалось отсутствие виновного свыше трех суток; теперь для предания суду достаточно отсутствия свыше суток /кара прежняя: лишение свободы на срок от пяти до десяти лет/. В новой редакции статьи 10 усилено наказание и для офицерского состава, прапорщиков, мичманов и военнослужащих сверхсрочной службы. Раньше они несли наказание за отсутствие в части или на месте службы свыше десяти суток. Продолжительность отсутствия, как и в случаях с военнослужащими срочной службы, не принималась в счет. Теперь и они несут более строгое наказание за отсутствие свыше месяца. Кроме того, они привлекаются к судебной ответственности и в том случае, если допустили повторное в течение года отсутствие на службе каждый раз более трех суток /3/.

Закон пополнился новой статьей о нарушении правил обращения с оружием, а также с веществами, представляющими повышенную опасность для окружающих, то есть с боеприпасами, взрывчатыми, радиоактивными и иными /например, химическими/ веществами. В зависимости от характера последствий этого нарушения /телесные повреждения, смерть человека, групповая смерть/ виновный наказывается согласно этой статье лишением свободы на срок до пятнадцати лет /4/.

Претерпели изменения законоположения об ответственности за должностные преступления. Раньше они рассматривались статьей 24 закона. Эта статья гласила: злоупотребление начальника или должностного лица властью или служебным положением, бездействие или превышение власти, а также халатное отношение к службе, если эти

2. ВВС, 1965, № 5, стр. 47; ВВС, 1983, № 51, стр. 818-819.

3. КЗ, 26.12.1958; ВВС, 1983, № 51, стр. 818.

4. ВВС, 1983, № 51, стр. 818.

деяния совершались систематически, либо из корыстных побуждений, или иной личной заинтересованности, а равно если они причинили существенный вред, - наказываются лишением свободы на срок от шести месяцев до десяти лет. Статья, однако, содержала пункт о том, что те же деяния при смягчающих обстоятельствах влекут лишь применение мер дисциплинарного воздействия. Что касается совершения тех же деяний в военное время и в боевой обстановке, то они наказывались лишением свободы на срок от трех до десяти лет или смертной казнью /5/.

Теперь статья 24 закона изложена в новой редакции. Во-первых, из нее изъят такой деликт, как халатное отношение к службе. Он рассматривается теперь в новой самостоятельной статье и речь о нем пойдет ниже. Во-вторых, новая редакция исключает замену уголовного наказания мерами дисциплинарного воздействия. В-третьих, оставшиеся в статье деликты получили двойную квалификацию и, следовательно, разные меры наказания. С одной стороны, они влекут за собой теперь лишение свободы на срок лишь до пяти лет /вместо десяти/, с другой же, если они повлекли "тяжкие последствия" - на срок от трех до десяти лет. В случае же совершения тех же преступлений в военное время или в боевой обстановке, то во всех случаях они наказываются теперь лишением свободы на срок от пяти до пятнадцати лет или смертной казнью /6/.

Таким образом, и статья 24 в новой редакции, если ее взять в целом, явно свидетельствует об усилении наказаний за перечисленные в ней преступления.

Как уже отмечалось выше, халатное отношение к службе в новом законоположении выделено в отдельную статью. Официально это было объяснено тем, что общественная опасность такого преступления, например, как злоупотребление служебным положением, неравнозначна опасности халатного отношения к службе /7/. И это, конечно, верно. Странно лишь, что законодатель до сих пор этого не замечал. Что же касается наказаний по названному деликту, то они заметно теперь смягчены. Даже в тех случаях, когда это деяние повлекло за собой тяжкие последствия, виновному теперь грозит лишение свободы на срок до семи лет, а не до десяти, как было раньше. В обычных же случаях лишение свободы ограничивается сроком до трех лет. Больше того, если имеются смягчающие обстоятельства, и теперь по отношению к виновному в халатном отношении к службе могут применяться меры не уголовного, а дисциплинарного воздействия. Наконец, за допущенную халатность в условиях военного времени или боевой обстановки виновному теперь не грозит уже смертная казнь /8/.

5. КЗ, 26.12.1958.

6. ВВС, 1983, № 51, стр. 819.

7. КЗ, 18.1.1984.

8. ВВС, 1983, № 51, стр. 819-820.

По-новому, а точнее сказать - значительно жестче, подходит теперь закон к оценке неуставных взаимоотношений между военнослужащими.

Раньше оскорбление насильственным действием подчиненным начальника, а равно начальником подчиненного было подсудным лишь в том случае, если кто-то из них /или оба вместе/ находился при исполнении обязанностей по службе. Оно влекло за собой лишение свободы на срок от шести месяцев до пяти лет. Сейчас оскорбление насильственным действием подчиненным начальника или начальником подчиненного стало подсудным при всех обстоятельствах, при этом мера наказания осталась прежней /9/.

Но особенно строго новое законоположение подходит к нарушениям уставных правил взаимоотношений между военнослужащими при отсутствии между ними отношений подчиненности. Если раньше оскорбление насильственным действием одним военнослужащим другого при отсутствии между ними отношений подчиненности было подсудным лишь в том случае, если хотя бы один из них находился при исполнении служебных обязанностей, то теперь это ограничение снято. Но дело не только в этом. Раньше мерой наказания за рассматриваемое преступление было лишение свободы на срок от трех месяцев до одного года или, при смягчающих обстоятельствах, дисциплинарное взыскание. Теперь же оно влечет лишь уголовное наказание. При этом виновный наказывается лишением свободы сроком до двух лет в случае любого физического насилия над личностью. Если же потерпевшему причинены телесные повреждения, виновный может потерять свободу на срок до двенадцати лет /10/.

Таковы теперешние изменения в военно-уголовном законодательстве. В силу они вступили 1 января 1984 года.

Небезынтересно отметить, что главный военный прокурор генерал-полковник юстиции Артем Григорьевич Горный, комментируя эти изменения, мотивировал их двумя обстоятельствами. Он указал, во-первых, на то, что закон об уголовной ответственности за воинские преступления был принят давно, в 1958 году, и за это время в советских вооруженных силах произошли существенные изменения, что потребовало внести соответствующие коррективы в старый закон. При этом, однако, он уклонился от пояснений того, какие же, собственно, изменения он имеет в виду. Как на вторую причину он указал на усиление агрессивности империализма, особенно США, что, на его взгляд, требует дальнейшего повышения бдительности советских военнослужащих, их дисциплинированности и организованности, повышения их личной ответственности за боевую готовность подразделений и частей /11/.

9. КЗ, 26.12.1958; ВВС, 1983, № 51, стр. 817.

10. КЗ, 26.12.1958; ВВС, 1983, № 51, стр. 817-818.

11. КЗ, 18.1.1984.

Что на это можно сказать? Усиление агрессивности империализма, видимо, надо отвести. За наимением такового. А вот те изменения в советских вооруженных силах за последние годы, которые имел в виду Горный, но о которых умолчал, можно назвать своим именем. Это ничто иное, как возрастание специфической для военной среды преступности. И среди офицеров, прапорщиков и мичманов, и среди солдатско-сержантского состава. Расхищение продовольствия и дефицитных материалов. Взяткодательство и взяточпринимательство. Использование силы солдат для возведения собственных дач, гаражей, ледников. Всяческое покрывательство преступности низов /конечно, не бескорыстное/. Наконец, измывательство солдат второго года службы над новобранцами, принуждение их к работе на себя /стирка, белья, выполнение положенных очередных работ по уборке помещения, присвоение их нового обмундирования/, а в случае отказа их избиение. Все это стало предметом почти ежедневных выступлений такого военного органа, как "Красная звезда". И, естественно, с ростом преступности этого рода теперь понадобились новые меры устрашения, поскольку обычные дисциплинарные меры перестали, что называется, срабатывать.

= = =

БЫВШИЙ ПОМОЩНИК БРЕЖНЕВА ЦУКАНОВ НАЗВАН ПЕРВЫМ ЗАМЕСТИТЕЛЕМ
ЗАВЕДУЮЩЕГО ОТДЕЛОМ ЦК КПСС

А. Рап

Бывший помощник Леонида Брежнева, 64-летний Георгий Эммануилович Цуканов, на днях был впервые упомянут на новой должности - первым заместителем заведующего Отделом ЦК КПСС /1/. После смерти Генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева, судьбы его долголетних помощников, которые входили в состав избранного на последнем партсъезде ЦК, оставались неизвестными. Анатолий Блатов, Виктор Голиков и Георгий Цуканов исчезли с политической арены со дня прихода к власти Андропова.

Лишь один член так называемого личного кабинета товарища Брежнева, Андрей Александров-Агентов, был сразу же введен в состав помощников нового Генерального секретаря. Кроме Александрова-Агентова помощниками Андропова стали Виктор Шарапов и Аркадий Вольский /2/.

Бывший референт Брежнева, Евгений Самотейкин, также лишился своего поста в центральном аппарате ЦК и был назначен советским послом в Австралии /3/.

Советские источники еще не сообщили, в какой отдел был направлен Цуканов, но есть основание предполагать, что бывший начальник личного кабинета Брежнева, нынешний секретарь ЦК КПСС по вопросам идеологии, Константин Черненко, предоставил Цуканову "убежище" в одном из подчиненных ему отделов, возможно в Отделе науки и учебных заведений ЦК КПСС.

Цуканов родился 3 марта 1919 года, в 1941 году окончил Днепропетровский металлургический институт. До 1958 года он работал инженером на том металлургическом заводе в Днепродзержинске, на котором в 1930 годах свою карьеру начинал Брежнев. По словам Брежнева, он был знаком с Цукановым с довоенных лет /4/.

1. "Правда Украины", 21.1.1984.
2. РС 211/83, Аннотации.
3. "Правда", 24.4.1983.
4. "Правда", 9.5.1979.

В 1958 году Цуканов был назначен личным референтом секретаря ЦК КПСС Брежнева, а в 1960 году, после избрания Брежнева на пост Председателя Президиума Верховного Совета СССР, референтом нового "президента" страны. Когда Брежнев, в 1963 году, вернулся на должность секретаря ЦК КПСС, Цуканов опять стал референтом, а с 1964 года помощником Брежнева. В 1966 году его ввели в состав ЦК КПСС, а на 24-м съезде - членом ЦК КПСС /5/.

Георгий Цуканов являлся главным автором брежневских речей и статей по внутривластным вопросам.

= = =

5. Биограф. Цуканова см. в Ежегоднике БСЭ 1971.

ДЕЛО ЗАВУРОВА И ИСТОРИИ ПРО АМЕРИКАНСКИХ ШПИОНОВ 1977 ГОДА

Ю.Вишневская

Борис Завуров, отец бывшего советского политзаключенного Амнера Завурова, сообщил, что в 1977 году представители КГБ шантажировали его самого и его сыновей с целью заставить их подписать фальшивку, содержащую клеветнические обвинения против Анатолия Щаранского.

Математик-программист Анатолий Щаранский получил в 1973 г. первый отказ на выезд в Израиль под предлогом "секретности" Московского физико-технического института, где он учился. В качестве представителя еврейского движения он в мае 1976 г. оказался среди тех, кто основал Общественную группу содействия выполнению Хельсинкских соглашений в СССР. Щаранский был арестован 15 марта 1977 года примерно в одно время с другими основателями Московской и Украинской групп "Хельсинки" /Юрием Орловым, Александром Гинзбургом, Алексеем Тихим и Николаем Руденко/ /1/. За несколько дней до ареста Щаранского в газете "Известия" появилась статья широко известного в кругах евреев-отказников С.Л.Липавского, обвинявшего активистов движения за выезд в Израиль, главным образом Щаранского, в шпионаже в пользу ЦРУ /2/. Несмотря на то, что летом 1977 г. версию о связях Щаранского с американской разведкой публично опроверг Президент Картер /3/, Щаранский был приговорен к 13 годам тюрьмы и лагерей строгого режима по обвинению в "измене Родине" /4/.

Открытое письмо Липавского и материалы его пресс-конференции с советскими и иностранными журналистами "Как меня вербовало ЦРУ" были впоследствии перепечатаны в изданной в 1979 г. Ассоциацией советских юристов "Белой книге", посвященной борьбе с еврейской эмиграцией из Советского Союза /5/. Среди других иллюстративных материалов к разоблачениям Липавского в "Белой книге" была опубликована фотография секретаря посольства США в Москве Джозефа Преселя, где он был отрекомендован как "сотрудник ЦРУ, установивший связь с С.Липавским после отъезда Левицки из СССР" /6/.

1. "Хроника" № 44, стр. 5-30.
2. "Известия", 4 марта 1977.
3. International Herald Tribune, June 16, 1977.
4. "Хроника" № 50, стр. 42-68.
5. "Белая книга: свидетельства, факты, документы", Москва, "Юридическая литература", 1979, стр. 181-216.
6. Там же, стр. 188.

В той же "Белой книге", но уже в другом месте, в главе под названием "Тандем лгунов", обвинены во лжи все, кто заступался в свое время за Амнера Завурова: другой представитель еврейского движения в Московской группе "Хельсинки" Владимир Слепак, радиостанция "Голос Америки", Комитет американских юристов в Лос-Анджелесе и т.д. Существо дела Завурова в "Белой книге" излагается так:

На самом деле примерно в 10 час. вечера 20 ноября 1976 г. Амнер Завуров и его брат Амнон, будучи пьяными, устроили дебош в квартире Давыдова. Они оскорбляли хозяина, а Амнер Завуров избил его: наносил удары в лицо, живот, спину, угрожал ударить ножницами. Как выяснилось, причиной тому послужили неоднократные напоминания Давыдова о том, что Завурову пора прописаться и устроиться на работу /7/.

Кто такой Давыдов и по какому праву он напоминал Завурову, что тому "пора" и что не "пора" делать, в "Белой книге" объяснено не было. Зато на следующей странице помещен титульный лист издающегося в Лондоне еженедельника "Jews in the U.S.S.R." с фотографией Амнона Завурова с женой и дочерью и подписью: "Дезинформационный бюллетень 'Евреи в СССР' преподнес западной общественности фальсифицированные сведения о деле Завурова" /8/. При этом составители бюллетеня не заметили ни того, что на фотографии изображен не Амнер Завуров, осужденный по этому делу, а его старший брат Амнон, ни того, что на "дезинформационном бюллетене" стоит дата: 1 октября 1976 года /за месяц и 20 дней до того, когда Завуров якобы совершил инкриминируемое ему преступление/.

Летом 1975 г. бухарские евреи из города Шахрисябза Узбекской ССР братья Амном и Амнер Завуров вместе со своими семьями получили разрешение на выезд в Израиль. Как это бывает в таких случаях, Завуровы уволились с работы, продали дом некоему Давыдову и уплатили положенные пошлины /в том числе 500 рублей за "отказ от советского гражданства"/. После чего у них отобрали все советские документы, взамен которых 23 августа 1975 года им выдали выездные визы /номера М 192189 - М 192192/. Когда Завуровы сдавали багаж, работники таможни г. Ташкента сказали им, что не успеют досмотреть их багаж до конца срока, указанного в их визах, и направили Завуровых в ОВИР Узбекистана для продления виз.

3 октября 1975 г. начальник ОВИРа г. Ташкента отобрал у них визы, в место продления визы были аннулированы. Впоследствии выяснилось, что ОБХСС получил анонимное письмо с обвинением Завуровых в хищениях. Обвинения не подтвердились, и ОБХСС дело закрыл,

7. Там же, стр. 259.

8. Там же, стр. 260.

однако вместо виз 21 января 1976 г. Завуровы получили отказ "по режимным соображениям" /Оба брата - простые рабочие, на секретных работах никогда не работали/. Все это время власти требовали от них, чтобы они взяли назад советские документы /9/. Новый владелец их дома Давыдов разрешил им временно жить у него /10/.

3 июля 1976 г. Амном и Амнер Завуровы обратились к тогдашнему Председателю Президиума Верховного Совета СССР Н.В.Подгорному с заявлением, в котором просили выдать им документы о том, что они являются лицами без гражданства и в качестве таковых имеют право на работу. Без документов ни трудоустроиться, ни снять жилье они не могли /11/.

25 октября 1976 г. они снова обратились в Верховный Совет с просьбой выдать им документы как лицам без гражданства. Им отказали и направили их дело в ОВИР. Обидин, занимавший в те годы пост начальника Всесоюзного ОВИРа, обещал им рассмотреть их дело в течение месяца /12/.

20 ноября 1976 г. Амном и Амнер Завуровы были арестованы и осуждены на 12 суток каждый по обвинению в "мелком хулиганстве". Поводом послужила их ссора с Давыдовым, которая произошла в их комнате без посторонних лиц.

20 декабря 1976 г. Амнер Завуров был арестован по ст. ст. 199 "Нарушение паспортных правил", 220 "ведение в течение длительного времени паразитического образа жизни" и 204 ч. 2 "хулиганство" Уголовного кодекса УзССР. Ст. 204 инкриминировала ссору с Давыдовым, за которую Амнер уже отсидел 12 суток административного ареста 12 января 1977 народный суд Шахрисабза признал его виновным по всем трем статьям и приговорил Завурова к 3 годам лишения свободы.

20 января 1977 г. сотрудница Прокуратуры СССР прокурор Сагрина сказала американскому адвокату Мартину Гарбусу, что в деле Завурова было допущено столько процессуальных нарушений, что оно наверняка будет пересмотрено. 10 февраля в Кашкадарьинском областном суде состоялось кассационное рассмотрение дела. В ходе кассации из приговора была исключена ст. 220 УК УзССР /"тунеядство"/, но мера наказания осталась прежней /13/.

-
9. АС №2723-а, /Хроника" № 43, стр. 79.
 10. "Хроника" № 44, стр. 31.
 11. АС №2723.
 12. "Хроника" № 43, стр. 79.
 13. "Хроника" № 44, стр. 31-32.

Через несколько недель, после появления в "Известиях" открытого письма С.Л.Липавского, отец Завурова Борис был вызван в КГБ, где от него потребовали, чтобы он поставил свое имя под аналогичным письмом, которое за него напишут другие. Кроме того, по словам Бориса Завурова, сотрудники КГБ настаивали чтобы он оклеветал американского дипломата Джозефа Преселя: "Если вы скажете, что Пресель антисоветчик, - по словам Завурова, сказали ему в КГБ, - то мы освободим Амнера. А если не скажете, арестуем Амнона" /14/.

Вскоре после этого, 15 марта 1977 г., арестовали Анатолич Щаранского. После этого в КГБ вызвали Амнона и предложили ему подкараулить Преселя на улице и "подарить" ему какую-то медную пластинку непонятного Амному назначения. Бывшая активистка еврейского движения в Москве Дина Бейлина, которая ныне тоже живет в Израиле, подтвердила, что она посоветовала Амному не делать этого и он отказался от участия в провокации против Преселя.

После чего КГБ пригрозил Амному, что его брата Амнера убьют в лагере, если Аммон расскажет кому бы то ни было об их предложениях.

Завуровы утверждают, что они медлили с разоблачениями до сих пор, лишь опасаясь за судьбу родственников, остающихся в Советском Союзе. Аммон получил разрешение на выезд в 1978 г., Амнер был освобожден из лагеря 5 апреля 1980 г. /15/, и вскоре они с отцом прибыли в Израиль. Младший сын Бориса Завурова Илья получил разрешение на выезд из Советского Союза в конце прошлого года.

Саня Липавский, автор "Открытого письма" об А.Б.Щаранском и других участниках движения за выезд в Израиль, принимал активное участие в еврейском движении с 1972 года, подписав за это время достаточное число правозащитных писем, последние из которых датированы февралем 1977 г. /16/. Считаясь близким другом Щаранского, Липавский даже снимал вместе с ним одну квартиру на двоих, но перестал бывать в этой квартире примерно за неделю до появления его разоблачений в "Известиях" /17/.

-
14. "Emigre Recounts His K.G.B. Trouble", by David Shipler, "New York Times", Feb. 1, 1984.
 15. "Вести из СССР", 1980, № 9-88. В марте 1978 г. Амнер был переведен из лагеря на т.н. "стройку народного хозяйства", но в октябре был возвращен обратно в лагерь за нарушения режима в период пребывания на "химии". По существующему положению в таких случаях срок пребывания на "химии" не засчитывается. Поэтому Завуров не был освобожден 20 декабря 1979 г. См. "Вести из СССР", 1978, № 3-12.
 16. См., например, "Хронику" № 40, стр. 75-76; АС №№2272-6, 2272-в, 2273; 2296, стр. 5; 2532; 2558; 2646; 2761, стр. 2; 3051, стр. 32, 47 и 52; "Хроника" № 43, стр. 42.
 17. "Хроника" № 44, стр. 26.

После публикации "Открытого письма" Липавского в советских газетах появилось еще несколько материалов такого рода. Так, например, в мае 1977 г. в газете "Вечерняя Москва" появился покаянный отчет Леонида Цыпина, знакомого московским инакомыслящим с 1971 г. /18/. 27 сентября 1977 г. газета "Вечерний Киев" опубликовала выступление отказника Саула Раслина, согласно которому киевские евреи, в частности будущий политзаключенный Владимир Кислик, в своей борьбе за выезд руководствовались указаниями американской и израильской разведок /19/.

Как можно понять, статья за подписью Бориса Завурова или его старшего сына должна была стать еще одной газетной сенсацией такого рода /20/. Однако через некоторое время эта кампания на время была свернута, и в конце концов, никого из участников еврейского движения, кроме Щаранского, по обвинению в "измене Родине" после этого не судили.

= = =

-
18. "Вечерняя Москва", 17 мая 1977, стр. 3.
 19. RL 35/78, "The Campaign Against Vladimir Kislik: A Familiar Scenario," Feb. 9, 1978.
 20. О выступлениях Цыпина и Раслина см. также "Белая книга", цит. соч., стр. 219-232.

РС 34/84

7 февраля 1984 года

ПОСЛЕДНИЕ СОВЕТСКИЕ ПУБЛИКАЦИИ О П.Я.ЧААДАЕВЕ

В. Тольц

В конце 1983 года советская литература о П.Я.Чаадаеве /1/ обогатилась двумя новыми публикациями. С момента издания первого и единственного русского собрания сочинений и писем Чаадаева прошло 70 лет. За это время обнаружена и опубликована неизвестная ранее часть чаадаевского творческого наследия /2/, столь значительная по объему и содержанию, что ее можно сравнивать с материалами, опубликованными М.О.Гершензоном. Не удивительно поэтому, что в Советском Союзе уже давно ставится вопрос о необходимости публикации нового "квалифицированного, подготовленного на академическом уровне собрания сочинений Чаадаева", однако всякий раз подобная постановка вопроса вызывает лишь в лучшем случае скандальную полемику о том, как правильно нужно трактовать идейное наследие Чаадаева /3/. Но последние советские чаадаевские публикации интересны не только этим.

Одна из них /4/ вводит в научный оборот три ранее неопубликованных письма Чаадаева, хранящихся в Отделе рукописей Института русской литературы АН СССР. Эти письма /два из них для этой публикации специально переведены издателем с французского на русский/ снабжены обширным добросовестным комментарием, позволяющим читателю лучше уяснить серьезное значение их для детального понимания личной судьбы выдающегося русского философа и развития его идей.

Однако при внимательном рассмотрении оказывается, что публикация эта не является однозначно советской. Основной текст ее и комментарий, снабженные превышающим их по объему обширным марксистским введением, доказывающим приоритет советских исследователей в

1. Библиографию см.: АН СССР. Институт научной информации по общественным наукам. История русской философии. Указатель литературы, изданной в СССР на русском языке за 1917-1967 гг. Часть 3, М., 1975, стр.814-818; Движение декабристов. Указатель литературы 1960-1976. М., 1983.
2. См.: Звенья, т.3-4, М.-Л., 1934, стр. 365-390; т. 5, М.-Л., 1935, стр. 679-682; Литературное наследство, т. 22-24, М., 1935.
3. См., напр., полемику вокруг книги А.А.Лебедева, Чаадаев, М., 1965; "Коммунист", 1966, № 12, стр. 119-128; "Новый мир", 1966, № 6, стр. 253-257; "Молодая гвардия", 1966, № 8, стр. 289-293; "Неделя", 1966, № 24, стр. 10-11.
4. "Вопросы философии", 1983, № 12.

деле изучения чаадаевского наследия /5/, подготовлены доктором философии Оксфордского университета Ричардом Темпестом. Что же заставило этого британского специалиста по истории русской философии, автора диссертации о Чаадаеве переводить чаадаевские письма с одного чужого языка на другой, писать свою статью по-русски и, наконец, публиковаться в советском журнале? Помимо несомненного благородного намерения Темпеста донести результаты научных изысканий до соотечественников своего героя, среди которых и следует искать самых заинтересованных и взыскательных читателей сочинений этого своеобразного русского мыслителя, следует понимать и то, что английский историк и не мог осуществить задуманную им публикацию материалов Пушкинского дома иначе. Дело в том, что после передачи в порядке культурного обмена за рубеж копий хранящихся в Институте русской литературы писем русского философа Л.Шестова и использования их в иностранных публикациях, некоторые научно-административные функционеры Ленинграда начала кампанию о недопустимости передачи "приоритета" на публикацию материалов, хранящихся в архивохранилищах Советского Союза иностранцам. В какой-то момент она привела к прекращению выдачи архивных материалов Пушкинского дома даже советским исследователям. Дополнительный импульс эти "патриотические", - а по сути дела, идеологически-охранительные, - тенденции получили в ходе "дела Рогинского" /6/, когда речь зашла о нежелательных для властей и неконтролируемых ими публикациях советских архивных материалов в самиздатском издании, перепечатанном впоследствии за рубежом /7/. Публикация писем Чаадаева в "Вопросах философии" демонстрирует, по сути дела, советскую "архивную политику" в отношении иностранных исследователей: в тех случаях, когда не удастся предотвратить их доступ к исторически значимым неопубликованным материалам в советских архивохранилищах, надлежит контролировать использование архивных находок иностранцев, исходя из декларируемого принципа "приоритета" советских публикаций материалов, хранящихся в советских архивах, над остальными. И, разумеется, иностранные исследователи, желающие продолжить свои розыскания в советских архивах, вынуждены этому подчиниться.

Если публикация в "Вопросах философии" является фундаментальным вкладом в дело собирания и изучения чаадаевского наследия, то другая недавняя советская публикация, связанная с именем Чаадаева, имеет к этому лишь косвенное отношение. Речь идет о реплике доктора филологических наук П.Николаева /8/ на статью польского автора Крыстыны Хойнацкой "О Петре Чаадаеве. Консерватор на службе революции" /9/. Гневная реплика П.Николаева не позволяет советскому

-
5. В.Г.Хорос. Из неопубликованного наследия П.Я.Чаадаева - там же, стр. 123-129.
 6. О "деле Рогинского" см., напр.: ХТС, № 53; АС №4524; РС 143/81.
 7. См.: Память. Вып. 1, М., 1976, Н.Й., 1978; Вып. 2, М., 1977-Париж, 1979; Вып. 3, М., 1978-Париж 1980. Вып.4,5, Париж 1982.
 8. П.Николаев. Скверная тенденциозность. "Литературная Россия", 28.12.1983.
 9. Ту и Тераз, 14.12.1983.

читателю понять, что же в действительности написала К.Хойнацкая /ее имя даже и не упоминается в статье П.Николаева/. Советский автор утверждает, что варшавский еженедельник "Ту и teraz", опубликовавший статью Хойнацкой, "перещеголял махровых антисоветчиков", что он трактует "философские письма" Чаадаева "лживо и тенденциозно", что "в духе выступления этого польского органа писали буржуазные историки" и даже Солженицын. "Ложность" польской публикации советский автор усматривает в том, что Чаадаев назван в ней "консерватором" /Хойнацкая поясняет почему она так определяет Чаадаева: для него "во второй четверти XIX века общественным идеалом оставалась средневековая Европа под вселенской властью Папы Римского", однако Николаев игнорирует это объяснение/. Николаев обличает Хойнацкую за то, что она лжет, будто Чаадаев полагал, что Россия "не имеет шансов, чтобы занять надлежащее место в семье стран мира". Как показано в других советских публикациях /10/ вопрос об отношении Чаадаева к своему отечеству не прост; как и многие его современники он любил родину "странною любовью", которую, однако, невозможно сводить к одной патриотической фразе, как это делает в своей реплике Николаев, сознательно опускающий замечание польского автора о том, что важнейшим достижением Чаадаева было четкое формулирование проблемы будущего России, путей ее развития, роли, которую она призвана играть в мире.

Сопоставление реплики "Литературной России" с текстом польской публикации о Чаадаеве, а также с упомянутыми в советской статье сочинениями западных историков /напр., Шарля Кене, Роберта Макналли и названного уже Ричарда Темпеста/ и А.И.Солженицына убеждает в неадекватности советской реакции, которая становится понятной, если интерпретировать публикацию Николаева не только в "чаадаевской" плоскости.

Дело в том, что основной "грех" Хойнацкой Николаев усматривает в "попытке представить социальную историю нашего государства в изоляции от мирового исторического движения" в условиях, когда, по его словам, "осуществляется великое содружество Советского государства с другими странами, опыт социалистического строительства активно воспринимается народами мира". Именно опасение сомнений в доброкачественности этого "исторического опыта", которые статья Хойнацкой может породить у польского читателя лишь по ассоциации, и вызвало резкую советскую реакцию, беспрецедентную по отношению к польским публикациям после 13 декабря 1981 г.

10. Ср., напр., работы А.Лебедева и М.Лобанова /библиогр. сведения см. в источнике, указанном в сн. 1/.

Что касается собственно "чаадаевской проблемы", то названные публикации еще раз подтверждают, что в идеологическом плане в Советском Союзе до сих пор не в состоянии адаптировать творческое наследие противоречивого русского философа в приемлемых для официальной идеологической доктрины формах, а потому, настороженно относясь к живому интересу зарубежной публики к личности и мыслям Чаадаева /он выражается, в частности, в многократном переиздании сочинений этого мыслителя /11// советские идеологи так или иначе стремятся контролировать этот интерес и корректировать его.

= = =

-
11. См., напр., последние переиздания: Pierre Tchaadaev. Lettres Philosophiques, Paris, 1970. П.Я.Чаадаев. Философские письма и Апология сумасшедшего. Анн-Арбор, "Ардис", 1978; Малоизвестные письма П.Я.Чаадаева - Форум, № 1, 2, Мюнхен, 1982-1983.

С.А. ЖЕЛУДКОВ

Б.Хазанов

Умерший в ночь с 29 на 30 января 1984 года в Москве на 75-м году жизни, после операции по поводу рака пищевода, русский православный священник, отец Сергей Желудков - Сергей Алексеевич Желудков - был одной из наиболее привлекательных фигур демократического и религиозного движения в СССР. По общему мнению всех знавших его, он обладал чертами святости. Выдающиеся свойства его личности сделали его духовным руководителем многих, и прежде всего молодых, людей. Отец Сергей, оплакиваемый сейчас по обе стороны железного занавеса, был выдающимся теологом, ~~самобытным~~ религиозным мыслителем и видным деятелем правозащитного движения.

Богословское образование С.А.Желудков получил в Ленинградской Духовной академии, которую окончил в 1952 году. Рукоположенный в священники, он занимался пастырской деятельностью до начала 70-х годов. В дальнейшем общественная активность и религиозное мирозерцание о.Сергия привели его к конфликту с церковными властями. Под нажимом КГБ он был лишен прихода. Это обстоятельство, однако, лишь способствовало широкой популярности о.Сергия среди оппозиционной интеллигенции. Свои философские, религиозно-этические и общественные взгляды Сергей Алексеевич Желудков изложил в книге "Почему и я христианин", многочисленных письмах и статьях, ходивших в Самиздате и частично опубликованных на Западе. Отдельно следует упомянуть изданную в Брюсселе переписку отца Сергея Желудкова с Кронидом Любарским, а также сборник "Литургические письма" /1/, в котором автор рассматривает трудный и болезненный вопрос о жизнеспособности византийского правоверия в условиях современной жизни и советской действительности. Именно эта книга послужила конкретным поводом тому, что о.Сергий Желудков был обвинен в отходе от православия.

Литературное творчество С.А.Желудкова выгодно отличается от многочисленных произведений на религиозные темы, создаваемых в СССР и в среде русской эмиграции: его тексты написаны простым, ясным и вместе с тем пронизанным сдержанной сердечностью языком. Благородный стиль отца Сергея отражает черты его личности - скромность, искренность, серьезность, отсутствие какого-либо самолюбования, отвращение к претенциозной роли пророка и истерической экзальтации.

1. Вариант названия: "Литургические заметки".

Особой формой общественной деятельности о.Сергия, обладавшего редким даром объединить людей, были инициированные им дискуссии по вопросам веры, на которых следует остановиться подробнее. Нет нужды говорить о том, что в Советском Союзе невозможны какие бы то ни было открытые дискуссии на недозволенные темы. Обсуждения, организованные С.А.Желудковым, носили характер многосторонней переписки, в которой участвовали люди часто не знавшие друг друга, подписавшиеся условными литерами: эти буквы оставались с начала и до конца их единственным обозначением; буквой "А" подписывал свои письма Сергей Алексеевич Желудков. Среди этих переписок нужно особо выделить обмен мнениями по поводу переведенной по инициативе отца Сергия книги известного современного теолога Ганса Кюнга "Быть христианином" /за которой последовал перевод второй книги того же автора - "Существует ли Бог?" / и переписку на тему о взаимоотношениях христианского вероучения и современного атеизма, недавно изданную институтом "Вера во Втором мире" /Цюрих/ на русском и немецком языках, под заголовком "Христианство и атеизм". В этих эпистолярных дискуссиях, выявивших значительное многообразие точек зрения, приняло участие несколько десятков человек - писателей, философов, историков, богословов, математиков, верующих, сомневающихся и вольнодумцев.

Такая форма духовного общения оказалась чрезвычайно плодотворной - и не только потому, что она представляет собой единственную возможность коллективной религиозной дискуссии в условиях тотальной несвободы. Преимущества анонимной переписки вытекают из самого предмета, обсуждаемого участниками этой новой разновидности "невидимого колледжа". У нас нет сверхъязыка, который позволил бы нам соединить несоединимое - рефлексия о Боге с непосредственным переживанием его присутствия /или чувством, что его нет/. Тем не менее человеку присуще стремление открыть себя другим. Одной из внутренних предпосылок наблюдаемого сейчас в России религиозного брожения в среде интеллигенции, пробуждения интереса к религиозной проблематике можно считать потребность, испытываемую многими, ответить каким-то образом на вопросы, которых нельзя избежать, и сделать это по возможности ясно и четко, как подобает разумному человеку. Противоречие между субъективной и объективной стороной религиозности преодолевается благодаря пониманию того, что если мысль - насилие над чувством, то она же и способ испытать глубину и подлинность чувства. Так рождается потребность в интеллектуальной исповеди, обращенной к себе и к другому и вместе с тем не стесняемой ничьим присутствием.

Оставаясь предельно интимной, негласной и не претендующей на какой-либо профессионализм, переписка была одновременно обращена к неопределенно широкому кругу адресатов. О них было известно только то, что они представляют ту или иную точку зрения. Это напоминало

радиопьесу, где звучат голоса, а самих участников мы не видим. Перепечатанные на машинке, письма ходили по рукам, возбуждая желание так или иначе откликнуться, обрастая новыми корреспондентами. При этом инициатор переписки - отец Сергей Желудков - постоянно находился в центре духовного кружка; он был единственным, кто знал всех участников, отвечал каждому, он же распространял письма среди всех корреспондентов. Оценить по достоинству эту работу может лишь тот, кто жил в Советском Союзе.

Здесь нет возможности рассмотреть подробно деятельность Сергея Алексеевича Желудкова как участника демократического правозащитного учреждения и члена организации "Международная Амнистия". Одной из форм этой деятельности были открытые письма и статьи, из которых отметим небольшую статью, написанную к шестидесятилетию академика А.Д.Сахарова /опубликована в юбилейном сборнике на русском и основных европейских языках/. В статье о Сахарове о.Сергий возвращается к концепции "анонимного христианства" - ключевой для его мировоззрения.

В последние десятилетия на Западе распространилась точка зрения /поддерживаемая русской консервативно-националистической эмиграцией/ о возрождении христианства в современной России. В лице С.А.Желудкова это представление нашло серьезного критика. Исходным пунктом размышлений Желудкова было отчетливое понимание того, что русская церковь в большой мере утратила контакт с современной жизнью. Этот разрыв, это чувство омертвления живого Слова под золоченым панцирем "слов" переживается мыслящей интеллигенцией и в особенности молодежью как глубокая трещина, уходящая в далекое прошлое и грозящая расколоть будущее. Можем ли мы, - спрашивает о.Сергий Желудков, - положить руку на сердце, утверждать, что летаргия православия вызвана только внешними условиями, что только так, съездившись и спрятав голову, вера сумела выжить в СССР, а церковь - сохранить минимальное влияние и авторитет? К сожалению, есть основания предполагать, что если бы вдруг каким-нибудь чудом церковь освободилась от государственного гнета, церковное сознание едва ли бы переменилась. Причина этому, по мнению отца Сергея, двоякая: она связана и с особым консерватизмом восточной догматики, и с традиционной для России общественной пассивностью церкви, сосредоточенностью православия на личном спасении.

В ряде работ о.Сергий развивал свое понимание новозаветных текстов, близкое к известной на Западе концепции "демифологизации". Согласно толкованию С.А.Желудкова, Евангелия - это "иконы христианства". Они повествуют о жизни и деятельности основателя христианства на языке, который обусловлен эпохой и специфическими обстоятельствами возникновения Нового Завета и не может быть понят буквально. Воскресенье Христа, как и бессмертие человеческой души -

сверхразумная тайна, не поддающаяся расшифровке доступными нам средствами. Область тайны разграничивает сферы компетенции религии и позитивной науки, но ни в коей мере не означает их несовместимости: существует язык, на котором с равным достоинством, не унижая друг друга, могут изъясняться вера и разум. Условием и главным качеством веры, противопоставляемой обрядоверию, отец Сергей Желудков считает, вслед за Н.А.Бердяевым, духовную свободу.

Центральным для размышлений С.А.Желудкова нужно считать убеждение, что христианство не есть идеология и не сводимо ни к системе верований, ни к перечню догматов. Ядром христианства является этический кодекс, заповеданный Христом и поддерживаемый особым рода "онтологическим" оптимизмом. Этого оптимизма не может быть, по мнению С.А.Желудкова, у атеистов, не верящих в вечную жизнь и существование абсолютно благого божества /что превращает для них в абсурд всякое бытие вообще/, но это отнюдь не значит, что атеисты отлучают себя от христианства и Христа. В мире больше христиан, чем нам кажется. Примеры истинного следования заветам Христа, образцы высокой человечности отец Сергей находит у людей, которые формально не верят в Бога, но находятся к нему ближе, чем формальные христиане. Он говорит об "анонимном", не называющем себя так, христианстве как об истинном залоге вечности и непреходящей красоты учения Христа. К числу анонимных христиан он относит А.Д.Сахарова.

= = =

РС 36/84

7 февраля 1984 года

АННОТАЦИИ

О деятельности Андропова в Карелии

Новые Книги СССР, 3/84.

В последнем выпуске книжного каталога "Новые Книги

СССР" содержится короткая аннотация на книгу А.А.Шпака "Подвиг юности. Комсомол Карелии в Великой Отечественной войне". Там сказано, что в книге "показана большая организаторская и политическая работа ЦК ЛКСМ республики /имеется в виду Карелия, АР/, который в те годы возглавлял Ю.В.Андропов". Книга появится в продаже во втором квартале этого года в издательстве "Карелия". Комсомольская деятельность Андропова во время войны в Карелии пока еще мало освещалась в советских публикациях. На одном из недавно проводившихся предвыборных собраниях в Карелии, один рабочий говорил об Андропове, как "одном из руководителей партизанского движения на северо-западе страны...". О нынешнем Генеральном секретаре как руководителе комсомольцев и партизан также рассказывает тогдашний первый секретарь ЦК КП Карелии Геннадий Куприянов в своей книге "За линией Карельского фронта" /Издательство "Карелия", Петрозаводск, 1979, 2-е изд./. /АР/

